

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.57.67>

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ Н.П. КОНДАКОВА В ПРАГЕ И ЕГО СВЯЗИ С ВЕНГЕРСКИМИ УЧЕНЫМИ

© 2021 г. М.В. Ковалев

Статья посвящена истории интеллектуальных взаимодействий Археологического института имени Н.П. Кондакова в Праге, созданного усилиями русских эмигрантов, и венгерских исследователей. В статье реконструируются магистральные направления этих контактов, связанные, главным образом, с именами Н. Феттиха и Д. Моравчика, анализируются взгляды русских ученых на венгерскую археологию, обрисовываются поля сотрудничества. Автор делает акцент, что и русским эмигрантам, и их венгерским коллегам пришлось взаимодействовать в сложную и противоречивую эпоху, связанную с последствиями Первой мировой войны и крушения империй. В заключении делается вывод о высокой результативности российско-венгерских научных контактов. Регулярный научный информационный обмен в межвоенную эпоху, отмеченную политической и экономической нестабильностью, нарастанием международных противоречий, имел огромное значение.

Ключевые слова: история археологии, археологический институт имени Н.П. Кондакова, история археологии, историография, российско-венгерские связи, Н. Феттих, Д. Моравчик, Д.А. Расовский.

KONDAKOV ARCHAEOLOGICAL INSTITUTE IN PRAGUE AND ITS RELATIONSHIP WITH HUNGARIAN SCIENTISTS

M.V. Kovalev

The paper is dedicated to the history of intellectual interactions of Kondakov Archaeological Institute in Prague founded by Russian émigrés and Hungarian researchers. It reconstructs the main directions of these contacts, mainly associated with the names of N. Fettich and Gy. Moravcsik, analyses the views of Russian scientists on Hungarian archaeology, and outlines the fields of cooperation. The author emphasizes that both Russian émigrés and their Hungarian colleagues had to interact in a difficult and contradictory epoch associated with the consequences of the First World War and the collapse of empires. It is concluded that the Russian-Hungarian scientific contacts are highly effective. Regular exchange of scientific information in the interwar period, marked by political and economic instability, and the growth of international contradictions were of great importance.

Keywords: history of archaeology, Kondakov Archaeological Institute, history of archaeology, historiography, Russian-Hungarian relations, N. Fettich, Gy. Moravcsik, D. A. Rasovsky.

Среди многочисленных русских эмигрантских научных организаций, возникших в межвоенной Чехословакии, Археологическому институту имени Н.П. Кондакова по праву отводится особое место. Хотя сегодня уже имеется широкий круг исследований об этом уникальном объединении, немало сторон его работы требуют специального изучения, например, международные контакты. Их осмысление дает возможность не только оценить статус российской эмигрантской науки в ученом мире, но также соотношение национального и интернационального в развитии научного знания в бурные межвоенные годы, пути и способы личных и деловых коммуникаций, воздействие на исследования идеологии и политики.

Предшественником Археологического института, как известно, был Семинарий, возникший весной 1925 г. стараниями учеников и последователей академика Н.П. Конда-

кова, скончавшегося в Праге 17 февраля 1925 г. С самого начала работы Семинария его сотрудниками была создана разветвленная сеть контактов с коллегами из разных стран (Германия, Великобритания, Франция, Румыния, Болгария и др.). Особое место в этой системе научных коммуникаций заняли венгерские ученые

Уже в первые годы работы Семинария была налажена пересылка в Прагу ведущих венгерских археологических журналов – «Archaeologia Hungarica» и «Archaeologiai Értesítő». Свои издания также посылали Национальный музей в Будапеште, Венгерская академия наук и Сегедский университет (Отчет о работах, 1928, с. 379, Отчет о работах, 1929, с. 330). Однако за подобными действиями должны были стоять конкретные люди. Е.Ю. Басаргина называет имя венгерского археолога Нандора Феттиха (1900–1971) в числе первых иностранных ученых, сделав-

ших научный доклад в пражском Семинарии (Басаргина, 2004, с. 779). И, действительно, 15.01.1926 г. Феттих выступил с сообщением «Древности Венгрии в эпоху переселения народов по новым находкам» (Отчет о работах, 1926, с. 297, 298). Тогда же в Праге он получил возможность личного знакомства с русскими учеными-эмигрантами. Факт близости к кондаковцам засвидетельствован и тем, что Феттих был в числе зарубежных авторов, приглашенных к участию в памятном сборнике в честь Н.П. Кондакова. Молодой ученый оказался среди признанных международных авторитетов (В.Н. Златарски, Н. Йорга, Г. Милле, А. Муньоз, М.И. Ростовцев и др.). Феттих подготовил статью о зверином стиле в искусстве евразийских кочевников (Fettich, 1926), в которой актуализировал значение работ российских археологов для данной проблемы. Вместе с тем он говорил о важности включения в сравнительные исследования археологических материалов, найденных на территории Венгрии. Феттих был убежден, что их анализ способен сильно изменить картину истории Великого переселения народов и расширить представления о межкультурных взаимодействиях в раннем средневековье. Конечная мысль статьи была предельно созвучна построениям Н.П. Кондакова и его последователей: «Заимствования в кочевом искусстве не говорят о его бедности. Ценность кочевого искусства не всегда заключается в оригинальности его мотивов, но создание индивидуальных форм искусства и способ, которым эти формы получают содержание, вот что является оригинальным и что отличает искусство отдельных кочевых народов друг от друга» (Fettich, 1926, с. 92).

Деловые контакты быстро переросли в личные. Не без поддержки Феттиха состоялась научная командировка в Будапешт в декабре 1926 – январе 1927 г. членов кондаковского Семинария Николая Петровича Толля (1894–1985) и Николая Михайловича Беляева (1899–1930) (Отчет о работах, 1927, с. 341). Целью их поездки было знакомство с богатыми археологическими коллекциями Национального музея, в том числе с материалами, привезенными из России в конце XIX в. в ходе экспедиций графа Енё Зичи. Несмотря на немногочисленность артефактов, большая часть которых происходила из Сибири, коллекция представляла явный научный интерес. Для русских эмигрантов, оторванных от родных мест, знакомство с «русскими древностями» теперь было возможно в Будапеште. Приме-

чательно, что в январе 1929 г. Толль снова посетил венгерскую столицу для занятий в Национальном музее, где вновь встречался с Феттихом (Отчет о работах, 1929, с. 330). Для Толля знакомство с венгерскими коллекциями сыграло важную роль в подготовке статьи о минусинских бронзовых кинжалах из собрания графа Зичи, тип которых ранее изучался немецким археологом Геро фон Мергартом (Toll, 1929). В августе 1931 г. Толль повторно побывал в Будапеште, где при поддержке Феттиха вновь работал с коллекциями Национального музея (КК. Coll. 230. Tallgren A.M. Vox 3). Известно письмо венгерского ученого (17.02.1927) главе кондаковского Семинария Александру Петровичу Калитинскому (1879–1946). Вместе с ним он пересылал фотографию фибулы с изображением императора Константина I, приобретенной Национальным музеем в 1912 г. (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI-30. Fettich N.). Калитинский и его коллеги в то время как раз занимались изучением фибул, происходивших из Византии и ее восточнохристианских провинций. Пражские музейные собрания не располагали нужным археологическим материалом, но зато он имелся в Будапеште. В 1929 г. Беляев в первой части своих «Очерков по византийской археологии» благодарил Феттиха за «многочисленные услуги по доставке фотографий, справок о памятниках Венгерск[ого] Нац[ионального] Муз[ея]», в частности, за знакомство с важной для него археологической находкой – донышком фибулы из Дунасекесё (Dunaszekerés) в комитате Баранья (Baranya) (Беляев, 1929, с. 81, 82, 98).

Сотрудничество Феттиха с русскими учеными также выразилось в публикации ряда научных работ в Праге. Уже во втором выпуске «Seminarium Kondakovianum» он опубликовал статью о серебряной готской пряжке из собрания Национального музея, которая в 1927 г. была приобретена у антикварного торговца, и увязана с местечком Сабадбатынь (Szabadbattyán) (Fettich, 1928). Феттих сделал вывод, что описываемый им предмет демонстрирует влияние позднееримских традиций на варварское искусство, и что дает возможность говорить о культурных взаимодействиях на широких просторах Евразии. Эта идея как нельзя лучше соотносилась с научной программой кондаковцев.

В 1929 г. Семинарий положил начало книжной серии «Скифика» (ΣΚΥΘΙΚΑ). В первом выпуске была издана работа М.И. Ростовцева «Срединная Азия, Россия, Китай и звериный

стиль», а во втором – исследование Феттиха о бронзовом литье в кочевом искусстве (Fettich, 1929). Появление книги венгерского археолога в этой серии, да еще вслед за работой всемирно известного ученого, свидетельствует о глубоком признании его авторитета. Не случайно профессор Калитинский, перечисляя в письме к Ю.Н. Рериху в сентябре 1931 г. лиц, особо близких Семинарию, привел имена М.И. Ростовцева, С.А. Жебелёва, Э. Миннза, Г. Милле, Л. Нидерле, А.М. Тальгрена и Н. Феттиха (Росов, 1999, с. 116). Присутствие венгерского археолога в одном ряду с признанными классиками истории и археологии говорит о многом.

Названная книга Феттиха содержала подробное описание бронзовых предметов из древневенгерских могильников, причем в их неразрывной связи с древностями Юга России, Сибири, Средней Азии и Монголии. Большинство описанных предметов – пряжки или украшения для ремней, содержавшие сцены битвы животных и листованный орнамент. Феттих показывал глубокие культурные заимствования из Азии и проводил параллели с бронзовыми находками из Минусинской котловины. На эту работу ответил благожелательной рецензией Ю.Н. Рерих (Roerich, 1931). Ему особенно импонировала идея культурной связи описанных материалов с кочевыми культурами Центральной Азии, а также аналогии с находками в России. Заслуживает внимание тот факт, что кондаковцы пропагандировали работу Феттиха и пересылали ее коллегам, в том числе в СССР. Так, в мае 1931 г. книга была отправлена в Саратовский университет с явным осознанием того, что она заинтересует местных археологов (Ковалев, 2019, с. 541).

В 1931 г. в той же серии «Скифика» увидела свет новая работа Феттиха, написанная им в соавторстве с археологом Дюлой Ре (1871–1936) (Rhé, Fettich, 1931). В ней были представлены результаты раскопок могильника у сел Юташ (Jutas) и Эшкю (Öskü), предпринятых в 1920-х гг. Авторы полагали, что имеют дело с самым древним захоронением на территории Венгрии, сохранившим черты взаимодействия монголоидов и западногерманских племен. Новаторство работы заключалось в том, что это было первое венгерское сравнительное исследование антропологического и археологического материала. Авторы акцентировали внимание на том, что сделанные находки позволяют пролить новый свет на характер Кёстхейской культуры, отразив-

шей в себе смешение романских, славянских и аварских начал. Феттих ценил эту свою работу и заранее анонсировал коллегам ее издание, как, например, в письме к финскому коллеге А.М. Тальгрену в июне 1930 г. (КК. Coll. 230. Tallgren A.M. Box 3.) или британскому археологу Э. Миннзу в октябре того же года (Cambridge University Library: Manuscripts. MINNS. Add. 7722. Box 1. Folder F.N. Fettich). В одной из рецензий на труд Феттиха и Ре подчеркивалась его важность для венгерской археологии и дальнейшего изучения Великого переселения народов, а также сам факт публикации в кондаковской серии «Скифика» (A történelem világa, 1931, 64. old.).

В числе других венгерских ученых, завязавших тесные контакты с русской Прагой, назовем Дюлу Моравчика (1892–1972), хотя он был не археологом, а византиноведом. Моравчик оказался идейно близок кондаковцам своим перекрестным подходом к византийской истории и попытками увидеть в ней взаимодействие разных культурных начал. В письме Калитинскому (27.06.1930) венгерский исследователь говорил, что работает в той области знания, где приоритет российских ученых неоспорим, а потому он «связан узко с русской наукой» (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–14. Moravcsik G.).

Моравчик регулярно сообщал русским ученым о новостях венгерской исторической науки, пропагандировал их работы у себя на родине, знакомил с венгерскими коллегами, работавшими в смежных областях. Он же помогал в обмене научными изданиями. Без подобной поддержки научные исследования были затруднены. Например, Д.А. Расовский сетовал в письме Моравчику (18.10.1934), что ему «из Праги очень трудно следить за мадьярской литературой» (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–14. Moravcsik G.). Обмен велся не только изданиями по византиноведению. Так, в мае 1939 г. Моравчик запрашивал русских пражан: нет ли у них книги М.И. Артамонова «Средневековые поселения на Нижнем Дону». В 1931 г. в «Seminarium Kondakovianum» была опубликована статья Моравчика о происхождении цикакия – византийского костюма для верховой езды (Моравчик, 1931).

И Феттиху, и Моравчику в числе первых иностранцев было предложено стать действительными членами Археологического института имени Н.П. Кондакова, который возник после реорганизации Семинария в 1931 г. Моравчик новость воспринял воодушевленно, сообщив в Прагу: «Я очень рад, что

таким образом я еще сильнее связан с русской наукой» (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI-14. Moravcsik G.). Феттих тоже словно вторил ему: «С глубочайшей благодарностью и удовольствием я принимаю любезное послание Института о моем избрании в качестве научного члена Кондаковского института. На масштабные научные усилия Кондаковского института, или, соответственно, Кондаковского семинария, я всегда смотрел с восхищением» (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI-13. Fettich N.).

Среди кондаковцев ближе всего к венгерской тематике находился Дмитрий Александрович Расовский (1902–1941), ставший в 1930 г. ученым секретарем Семинария. Подчеркнем, что Расовский – не археолог. Его исследования основывались в первую очередь на интерпретации письменных, а не материальных источников. В круг его научных интересов входили евразийские кочевники: печенеги, торки, берендеи, половцы и др. Не мог он обойти и древних венгров. В начале 1930-х гг. Расовский работал над большой статьей о печенегах, торках и берендеях на Руси и в Венгрии (Расовский, 1933).

Осмысление подобных сюжетов требовало погружения в венгерскую научную литературу. В письме к Моравчику (24.05.1933) Расовский обращал внимание, что из всех европейских стран только в Венгрии и Болгарии ведется исследование истории евразийских кочевников (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI-14. Moravcsik G.). Наблюдение, в целом, верное. Перед болгарской и венгерской наукой стояло немало схожих задач, причем разрешались они на основе личных и деловых контактов ученых (Пейковска, 2003). Известно, что Расовский брался специально изучать венгерский язык (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI-14. Moravcsik G.), однако судить о конкретных успехах в этом направлении не представляется возможным. Тем не менее, доподлинно известно, что работы венгерских авторов Расовский знал, ссылаясь на них, а порой и полемизировал.

Он не мог пройти мимо исследования историка, члена-корреспондента Венгерской академии наук Иштвана Дьярфаша (1822–1883) об истории ясов и кунов (Gyárfás, 1870–1885). Отдавая должное своему предшественнику, Расовский все же отмечал, что его книга морально устарела. К числу подобных работ отнес он и исследования Яноша Ернея (1800–1855), стремившегося доказать парфянские истоки венгерского народа и локализовавшие-

го легендарную Леведию в Северном Причерноморье и Приазовье (Jerney, 1851). Тем не менее, Расовский справедливо признавал, что труды и Дьярфаша, и Ернея, и иных современников открыли дорогу к другим, более углубленным исследованиям. Они послужили фундаментом для работ Белы Кошшани, Дюлы Немета, Золтана Гомбоца, Дюлы Чебе, Яноша Мелиха и др. Расовский особенно выделял сравнительно-лингвистические исследования венгерских коллег, расширение ими источниковой базы исследований, в частности, скрупулезный анализ сообщений о евразийских кочевниках византийских и восточных авторов. Расовский, например, принял версию Кошшани о тождестве узов в изображении византийских авторов с торками из русских летописей (Kossányi, 1924). Видимо желая внести и свой вклад в разработку подобных сюжетов, Расовский высказал гипотезу, что упоминавшиеся в венгерских источниках «Béreny» скорее всего являются берендеями. Правда, он был осторожен в догадках, а потому 2.12.1932 г. обратился за консультацией к Моравчику (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI-14. Moravcsik G.), а впоследствии (16.07.1933) написал и Феттиху, выразив мысль о важности изучения «печенежско-берендейского» археологического материала в Венгрии (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI-13. Fettich N.). Увы, мы не знаем, что ответил Феттих. Моравчик же переадресовал вопрос Расовского тюркологу Ласло Рашони (1899–1984). Тот ознакомился с доводами Расовского и указал на источниковедческие ошибки, которые привели русского ученого к неправильным выводам. Он выразил сомнения, что имя венгерских «Berény» служило общим названием берендеев, однако допустил, что подобные этнонимы были связаны с тюркским присутствием в венгерских землях. Свои выводы он отразил в статье для «Seminarium Kondakovianum» (Rásonyi, 1933)¹. Расовский принял критику венгерского коллеги и впоследствии сослался на его работу (Расовский, 1936, с. 163). Показательно, что общение Рашони с кондаковцами выльется в публикацию еще одной его работы в Праге – статьи об этнонимах в «Слове о полку Игореве» (Rásonyi, 1936). Помимо упомянутых Феттиха, Моравчика и Рашони в кондаковских изданиях опубликовал свою статью историк архитектуры Ференц Вамош (1895–1969). Его работа была посвящена реконструкции так называемого «дворца Аттилы», в архитектуре которого, по мысли автора, переплетались элементы культуры

оседлых иранцев и кочевников Центральной Азии (Vamos, 1932).

Если посмотреть на содержание изданий Семинария/Института, то можно заметить большой интерес к венгерской научной литературе и у других кондаковцев, например, у археолога Беляева. Так, в своих исследованиях о византийских фибулах он часто пользовался известным исследованием Йожефа Хампеля (1849–1913) «Древности раннего средневековья в Венгрии» (Hampe, 1905). Уместно напомнить, что в свое время названный труд высоко оценил Н.П. Кондаков, посчитавший его «замечательным и, в своем роде, образцовым» (Кондаков, 1906, с. 446). Однако в 1920–1930-е гг. это исследование явно требовало дополнений и уточнений. Так, И. Фодор заметил, что найденные в Венгрии гуннские материалы Хампель идентифицировал как сарматские, германские, а иногда и аварские. В 1920-х гг. эти ошибки стали очевидны, благодаря исследованиям Андраша Алфёльди (1885–1981) и Н. Феттиха гуннских памятников в Венгрии (Фодор, 2017, с. 269; Комар, 2013, с. 88). Таким образом, в межвоенный период наблюдался пересмотр ряда положений Хампеля, хотя труд его по-прежнему сохранял научную значимость. Тот же Беляев подверг ревизии представление венгерского ученого о фибуле из детского могильника в Кёстхее, отказавшись признать изображенную на ней сцену Благовещением, и доказывая, что данный иконографический сюжет называется «Слава Креста» и имеет палестинское происхождение (Беляев, 1929, с. 72).

Среди иных свидетельств глубокого интереса кондаковцев к работам венгерских коллег – обзоры их исследований и рецензии, которые регулярно печатались на страницах институтских изданий. Так, Толль и Расовский в публикации 1931 г. высоко оценили работы Гёзы Фехера (1890–1955) (Fehér, 1930), назвав его «лучшим знатоком надписей мадарского всадника» (Толль, Расовский, с. 296). Екатерина Николаевна Клетнова (1869–1938), разбирая публикации в «Eurasia Septentrionalis Antiqua», обратила внимание на статью Лайоша Бартуца (1885–1966) об остеологическом материале из могильника в Кёрёшладани (Körösladány) (Bartucz, 1930), где, по мнению венгерского ученого, были погребены монголоиды, но с большой примесью германской и славянской кровей. Клетнова же отметила исследование Феттиха (Fettich, 1930) о сравнении найденных поясных наконечников и пряжек из Перниё Тиинела в Южной Финлян-

дии, сделанных Тальгреном, с находками из Кёрёшладани в Восточной Венгрии (Клетнова, 1931, с. 299).

Рецензии Евгения Ивановича Мельникова (1909–?) касались работ Фехера и Немета. Первый из них активно занимался в ту пору эпохой Первого Болгарского царства, в культуре которого он стремился выявить сплетение сасанидских и эллинистических элементов. Ему удалось изучить множество различных по характеру объектов: от протоболгарских пограничных валов в Бессарабии до Мадарского всадника, от руин Преслава до рунических памятников. Мельников, отмечая смелость постановки многих вопросов, тем не менее критиковал некоторую надуманность авторских построений (Мельников, 1933, с. 330). Исследовательскую смелость похвалил Мельников и при оценке исследования Немета о Надьсентмиклошском кладе. Венгерский ученый с начала 1920-х гг. стремился пересмотреть общепринятые датировку и происхождение клада, а именно: показать, что он – не болгарский, а печенежский, и что относится к 900–920 гг. Немет пытался реконструировать тюркские надписи на предметах клада, переведя их как «чаша», «дар», «сосуд для питья» и др. Мельников счел работу интересной, поскольку она направляла решение надьсентмиклошского вопроса по новому пути, однако не согласился с методами расшифровки рунических надписей (Там же, с. 244).

Гораздо сложнее оценить, какие отражения находило творчество кондаковцев в венгерской научной среде. Разумеется, отсылки к трудам ученых-эмигрантов и кондаковским изданиям в целом можно найти в работах тесно сотрудничавших с ними Феттиха, Моравчика, отчасти у Вамоша и Алфёльди. Однако встречаются они и у других венгерских исследователей, в чем можно убедиться даже при беглом просмотре ведущего археологического журнала «Archaeologiai Értésítő» (Nagy, 1931, 271. old.; Radnóti, 1939, 159. old.; Jankó, 1939, 132. old.).

Конец 1930-х гг. оказался непростым в жизни Археологического института имени Н.П. Кондакова. К проблемам финансирования и оттока кадров добавились трудности межличностных отношений. Когда в 1937 г. о своей поддержке Институту заявил югославский принц Павел, и когда возникла перспектива перевода организации в Белград, среди русских ученых начались серьезные разногласия. Венгерские коллеги внимательно

следили за положением дел, но ни на одну из сторон конфликта, как видно из документов, не вставали. Гораздо больше интересовали их перспективы продолжения научной работы кондаковцев. Еще более серьезным ударом стала Вторая мировая война. Наладить работу Кондаковского института в Белграде оказалось крайне трудно. О тяжелых условиях Расовский писал в Будапешт Моравчику (30.11.1939): «Мы скоро предполагаем издать XI-й том Института. Работать по изданию журнала стало очень трудно. На всех наших сотрудниках отражается война. Грабарь призван во Францию и несет службу радио-переводчика на военном корабле (он, ведь, во Франции “специалист” по немецкому языку); Андреев из Праги не может прислать нам своей рукописи, так как она застряла в цензурном комитете, и т.д. При таких условиях международное сотрудничество чрезвычайно трудно! Начали печатать книгу на английской бумаге, а теперь ее нет во всей Югославии!» (МТА Kőnyvtár. Gy. Moravcsik, Ms. 1233/755).

6 апреля 1941 г. при немецкой бомбардировке Белграда был разрушен дом, в котором размещался Кондаковский институт. Расовский и его супруга погибли, а вместе с ними была уничтожена часть богатой библиотеки. Деятельность Института вновь сосредоточилась в Праге. В начале июня 1941 г. оттуда Моравчику сообщили о начале подготовки XII-го тома «*Seminarium Kondakovianum*» и пригласили к участию в нем (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–14. Moravcsik G.). Феттиху об этом сообщили еще 17 апреля (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–13. Fettich N.). Сборник, впрочем, так и не был собран. В трагических условиях войны такое предприятие было изначально обречено. Последнее известное письмо на имя Феттиха, написанное от имени директора Института Николая Ефремовича Андреева (1908–1982), датировано 30 декабря 1942 г. Оно было кратким по содержанию: лишь благодарность за присылаемые работы и поздравление с Новым годом (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–13. Fettich N.). Иных свидетельств о дальнейших контактах Феттиха с русскими коллегами не имеется.

После Второй мировой войны была сделана попытка возродить в Праге полноценную работу Археологического института имени Н.П. Кондакова. Его новый директор, профессор Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968), развил в этом направлении бурную деятельность, но успехом она не увенчалась. В июле 1951 г. Флоровский с грустью написал

Моравчику в Будапешт: «Институт Кондакова находится в состоянии анабиоза в силу разных обстоятельств» (МТА Kőnyvtár. Gy. Moravcsik, Ms. 1233/251). Несмотря на все, институт был закрыт (Аксенова, 1993).

Попытаемся ответить на вопрос: какие же факторы способствовали интеллектуальному сближению венгерских ученых и их русских эмигрантских коллег в межвоенный период? Думается, что причин было несколько. Конечно, двухсторонние научные контакты имели богатую историю. Еще в XIX в. венгерские ученые совершали научные поездки в Россию в поисках прародины венгров. Между российскими и венгерскими археологами и этнографами складываются общие поля научных интересов. В Венгрии становятся хорошо известны работы российских специалистов, в частности, Н.П. Кондакова. Сам он, к слову, высоко оценивал работы венгерских коллег (Кондаков, 1906, с. 447). Таким образом, интеллектуальное сближение русских ученых-эмигрантов и их венгерских коллег имело под собой уже хорошо подготовленную почву. Обратим внимание на тот факт, что ближе всего с кондаковцами сотрудничали те венгерские ученые, кто хорошо знал русский язык, следил за российской наукой, интересовался русской культурой. Те же венгерские ученые, кто таких связей и душевных привязанностей, не имел, ограничивались лишь эпизодическими контактами, как в случае с Алфёльди (OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–12. Alföldi A.).

Сделаем акцент и на общий фон развития контактов в межвоенный период. Первая мировая война ознаменовалась не только глубокими политическими потрясениями и перекройкой границ, но резким изменением интеллектуального ландшафта. Распад Австро-Венгерской, Германской, Российской и Османской империй предопределил создание национальных научных школ, которые оказались включенными в процессы образования новых государств и конструирования их идентичностей. В межвоенный период археология оказалась вплетена в общественно-политический контекст (Детлова и др., 2020, с. 189). И русских ученых-эмигрантов, и их венгерских коллег в некотором смысле роднило печальное чувство потери Родины и крушения прежнего мира. По условиям Трианонского договора 1920 г. Венгрия лишилась 2/3 своей территории и 60% населения. Почти все венгерские общества любителей древностей и археологии, существовавшие на оттор-

гнутых территориях, оказались закрыты. Венгерское общество переживало глубокую травму. В прошлом начинают искать лекарство от безрадостного настоящего. Феттих в статье о зверином стиле сделал ремарку, что хотя евразийские кочевники растворились в глубинах истории, венгры уже тысячу лет проживают в Европе, тем самым доказав свою жизнеспособность. Он писал о нынешних «смутных временах», которые, несомненно, пройдут. Но эти же времена должны дать венграм возможность задуматься о своем прошлом и увидеть в нем надежду на возрождение (Fettich, 1926, с. 81).

Формирование русского научного центра в межвоенной Праге – это тоже прямое следствие переломных исторических событий – Перовой мировой войны, революции 1917 г., Гражданской войны и русского исхода. Переживаемые потрясения изменили профессиональный и социальный статус ученых, разрушив привычный жизненный уклад. Что касается ученых-археологов, то отрыв от Родины означал для них отрыв от раскопок и археологических коллекций, то есть он практически лишал возможности полноценной научной работы. Конечно, нет никакого смысла утверждать, что русские эмигрантские ученые и их венгерские коллеги сблизились на фоне схожих исторических травм, и что объединяла их боль за Родину или тоска по славному прошлому. Однако их жизненный мир несомненно нес на себе печать пережитых потрясений. Не случайно венгерский журнал «Литература» в 1931 г. поведал читателям, что большевики сделали академика Кондакова, «отца русской археологии», лицом без гражданства, и что чужая страна – Чехословакия – подарила ему и его последователям возможность продолжения научной работы (A történelem világa, 1931, 64. old). Таким образом, напряженная атмосфера межвоенного времени несомненно повлияла и на условия работы русских эмигрантских ученых и их венгерских коллег, и на систему их личных и деловых коммуникаций.

Оценить плодотворность сотрудничества между кондаковцами и их венгерскими коллегами в современной системе координат не так-то просто. Конечно, возникает соблазн упрекнуть их за нереализованные возможности взаимодействия. Например, остается непонятым, почему никто из кондаков-

цев не пытался опубликовать свои работы в Венгрии, тем более что тематика ряда исследований вполне вписывалась в местный историографический контекст. Не будем забывать, что при посредничестве того же Феттиха в 1928 г. был опубликован перевод на венгерский язык статьи П.С. Рыкова о раскопках на Узе и Суре (Rykov, 1928), а в 1935 г. – параллельный немецкий и венгерский перевод книги А.А. Захарова и В.В. Арендта о Леведии (Zaharov, Arendt, 1935). При этом сами венгерские ученые довольно активно публиковались в кондаковских изданиях, причем, как в случае с Моравчиком, даже на русском языке. Однако стоит посмотреть на опыт взаимодействия под иным углом. Если мы примем во внимание один лишь масштаб книгообмена, то взаимная полезность контактов уже не вызывает никаких сомнений. В 1920–1930-е гг. по политическим причинам не существовало официального книгообмена между Венгрией и СССР, научные контакты между ними были минимальными, в то время как в Праге имелась возможность получать советскую научную литературу. В то же время Феттих оказался в числе тех немногих зарубежных археологов, кто смог, несмотря на многочисленные преграды, посетить СССР (в 1926 и 1935 гг.) (Ковалев, Шереш, 2019). Его русские коллеги из Праги такой возможности, конечно, были лишены. Подобные парадоксы были неотъемлемой частью европейской интеллектуальной жизни межвоенного периода. Таким образом, и венгры, и русские эмигранты, и советские ученые оказывались вовлечены в сложную сеть коммуникаций, в которой интеллектуальные посредничества играли весьма заметную роль. Регулярный научный информационный обмен в межвоенную эпоху, отмеченную политической и экономической нестабильностью, нарастанием международных противоречий, имел колоссальное значение. Для кондаковцев оказалось важным, что тот же Феттих сумел помочь им с доступом к венгерским археологическим коллекциям, снабжал их необходимыми фотографиями музейных экспонатов, что тот же Моравчик наводил мосты между русской Прагой и венгерскими учеными. Таким образом, российско-венгерский интеллектуальный диалог в зеркале деятельности Археологического института имени Н.П. Кондакова выглядит вполне масштабным и результативным.

Примечание:

¹ Эти вопросы продолжают волновать и современных венгерских исследователей. См. подробнее (Szabó, 2016).

ЛИТЕРАТУРА

Аксенова Е.П. Институт им. Н.П. Кондакова: попытки реанимации (по материалам архива А.В. Флоровского) // Славяноведение. 1993. № 4. С. 63–74.

Детлова Е.В., Ковалев М.В., Кузьминых С.В., Наглер А.О. Распад империй и судьбы европейской археологии: размышления о конференции в Госларе // РА. 2020. № 1. С. 188–191.

Беляев Н.М. Очерки по византийской археологии // Seminarium Kondakovianum. 1929. Т. III. С. 49–132.

Клетнова Е.Н. Eurasia Septentrionalis Antiqua, том V. Helsinki, 1930 // Seminarium Kondakovianum. 1931. Т. IV. С. 298–300.

Ковалев М.В. Саратовский университет и Археологический институт имени Н.П. Кондакова в Праге: к истории взаимоотношений (1928–1936) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 537–546.

Ковалев М.В., Шереш А. Венгерский археолог Нандор Феттих и его связи с русскими учеными-эмигрантами // Славяноведение. 2019. № 4. С. 24–36.

Комар А.В. Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2013. С. 88–109.

Кондаков Н.П. Рец.: Гампель. «Древности Венгрии». 1905 // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1906. Т. XI. Кн. 4. С. 446–466.

Мельников Е. Fehér Géza. A bolgár-török műveltség emlékei és Magyar őstörténeti vonatkozásaik. Les monuments de la culture protobulgare et leurs relations hongroises // Seminarium Kondakovianum. 1932. Т. V. С. 329–330.

Мельников Е. J. Németh. Die Inschriften des Schazes von Nagy-Szent-Miklós. Mit zwei Anhängen: I. Die Sprache der Petschenegen und Komanen. II. Die ungarische Kerbschrift // Seminarium Kondakovianum. 1933. Т. VI. С. 244.

Моравчик Ю. Происхождение слова TZITZAKION // Seminarium Kondakovianum. 1931. Т. IV. С. 69–76.

Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) в Праге за первый год его существования (по 17 февраля 1926 г.) // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1926. С. 297–298.

Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) за второй год его существования (по 17 февраля 1927 г.) // Seminarium Kondakovianum. 1927. Т. I. С. 339–341.

Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) за третий год его существования (по 17 февраля 1928 г.) // Seminarium Kondakovianum. 1928. Т. II. С. 377–379.

Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) за четвертый год его существования (по 17 февраля 1929 г.) // Seminarium Kondakovianum. 1929. Т. III. С. 328–330.

Пейковска П. Предговор // Унгарски учени за България. XIX в. – средата на XX в. / сост. Пейковска П. София: Отечество – София, 2003. С. 7–24.

Расовский Д.А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Seminarium Kondakovianum. 1933. Т. VI. С. 1–65.

Расовский Д.А. Половцы. II. Расселение половцев // Seminarium Kondakovianum. 1936. Т. VIII. С. 161–182.

Росов В.А. Семинариум Кондаковианум. Хроника реорганизации в письмах. 1929–1932. СПб.: б.и., 1999. 165 с.

Фодор И. К вопросу о погребальном обряде гуннов Восточной и Центральной Европы // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 267–272.

Bartucz L. Die Skelettreste von Körösladány // ESA. 1930. Vol. 5. S. 66–73.

Cambridge University Library: Manuscripts. MINNS. Add. 7722. Box 1. Folder F. N. Fettich.

Fehér G. Le titre des khans bulgares d'après l'inscription du cavalier de Madara // L'art byzantine chez les Slaves. Les Balkans. Premier recueil dédié à la mémoire de Théodore Uspenskij. Paris: P. Geuthner, 1930. P. 3–8.

Fettich N. Die Tierkampfscene in der Nomadenkunst // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1926. С. 81–92.

Fettich N. Eine Gotische Silberschalle im Ungarischen Nationalmuseum // *Seminarium Kondakovianum*. 1928. T. II. C. 105–111.

Fettich N. Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn. Prag: Seminarium Kondakovianum, 1929. 96 s.

Fettich N. Über die ungarländischen Beziehungen der Funde ksp. Perniö, Tyynelä, Südwestfinnland // *ESA*. 1930. Vol. 5. S. 52–65.

Gyárfás I. A jász-kunok története. Kecskemét: Nyomatott Szilády Károlynál, 1870. I. kötet. 614. old.; 1873. II. kötet. 488. old.; Szolnok: Nyomatott Bakos Istvánnál, 1883. III. kötet. 796. old.; Budapest: Nyomatott Neuwald Illés könyvnyomdájában, 1885. IV. kötet. 438. old.

Hampel J. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig: Druck und Verlag von Friedrich und Son, 1905. Bd. I. 856 s.; Bd. II. 1006 s.; Bd. III. 580 s.

Jankó L. A pápai avarkori sírleletek // *AE*. 1939. 52. kötet. 124–141. old.

Jerney J. Jerney János keleti utazása a magyarok őshelyeinek kinyomozása végett 1844 és 1845. Pest: A Szerző Tulajdona, 1851. I. köt. 332. old.; II. köt. 320. old.

Kansalliskirjasto. Käsikirjoituskokoelmat. Coll. 230. Tallgren A.M. Box 3.

Kossányi B. Az úzok és kománok történetéhez a XI–XII. században // *Századok*. 1924. 58. évf. 1–6. sz. 519–537. old.

MTA Könyvtár. Gy. Moravcsik.

Nagy L. Római régiségek Dunaszekcsőről // *AE*. 1931. 45. kötet. 267–271. old.

OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–12. Alföldi A.

OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–13. Fettich N.

OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–14. Moravcsik G.

Radnóti A. Római kutatások Ságváron // *AE*. 1939. 52. kötet. 148–164. old.

Rhé Gy., Fettich N. Jutas und Öskü: zwei gräberfelder aus der völkerwanderungszeit in Ungarn mit einem anthropologischen anhang von L. Bartucz. Prag: Seminarium Kondakovianum, 1931. 90 s.

Roerich G. N. Fettich: Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn // *Jornal of Urusvati Himalayan Research Institute*. 1931. Vol. I. № 1. P. 94–96.

Rásonyi L. Der Volksname берендей // *Seminarium Kondakovianum*. 1933. T. VI. C. 219–226.

Rásonyi L. Les noms de tribus dans le «Слово о полку Игореве» // *Seminarium Kondakovianum*. 1936. T. VIII. C. 293–299.

Rykov P.S. Aknasír a Sinowjewka (Petrowi kerület, Saratow-i kormányzóság) falu melletti dombban // *AE*. 1928. 42. kötet. 225–228. old.

Szabó J.B. «Magrebiták», úzok – «kunok», berendek és besenyők: Egy XII. századi keleti betelepülés nyomában // *Hadtörténelmi Közlemények*. 2016. 129. évf. 1. sz. 148–159. old.

Toll N.P. Bronzedolche der Sammlung Zichy // *ESA*. 1929. Vol. IV. S. 183–188.

Toll, N. P., Rasovskii, D. A. L'art byzantine chez les Slaves. Les Balkans. Premier recueil dédié à la mémoire de Théodore Uspenskij. Paris, Paul Geuthner, 1930 // *Seminarium Kondakovianum*. 1931. T. IV. C. 296–298.

A történelem világa: Rhé, Gyula, und Fettich, Nándor: Jutas und Öskü // *Literatura – Beszámoló a Szellemi Életről*. 1931. VI. évf. 1. szám. 64. old.

Vamos F. Attilas Hauptlager und Holzpaläste // *Seminarium Kondakovianum*. 1932. T. V. C. 145–146.

Zaharov A.A., Arendt V.V. Studia Levedica: Regesztai adatok a magyarság IX századi forténetéhez. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1935. 80 s.

Информация об авторе:

Ковалев Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Архив РАН (г. Москва, Россия); kovalevmv@yandex.ru

REFERENCES

- Aksenova, E. P. 1993. In *Slavianovedenie (Slavic Studies)*. 4. 63–74. (in Russian).
- Detlova, E. V., Kovalev, M. V., Kuzminykh, S. V. 2020. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 188–191 (in Russian).
- Belyaev, N. M. 1929. In *Seminarium Kondakovianum*. III, 49–132 (in Russian).

- Kletnova, E. N. 1931. *Seminarium Kondakovianum*. IV, 298–300 (in Russian).
- Kovalev, M. V. 2019. In *Izvestiia Saratovskogo universiteta (Proceedings of the Saratov University. New Series)* 19 (4). 537–546 (in Russian).
- Kovalev, M. V., Seres, A. 2019. In *Slavianovedenie (Slavic Studies)*. 4. 24–36. (in Russian).
- Komar, A. V. 2013. In Botalov, S. G. (ed.). *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov (Huns Forum (Issues of Origin and Identification of the Eurasian Hun Culture))*. Chelyabinsk: “Rifey” Publ., 88–109 (in Russian).
- Kondakov, N. P. 1906. In *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk (Bulletin of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences)* Vol. XI. Book. 4, 446–466 (in Russian).
- Mel'nikov, E. 1932. In *Seminarium Kondakovianum*. V, 329–330. (in Russian)
- Mel'nikov, E. 1932. In *Seminarium Kondakovianum*. VI, 244. (in Russian)
- Moravcsik, Gy. 1931. In *Seminarium Kondakovianum*. IV, 69–76 (in Russian).
1926. *Otchet o rabotakh Seminarii imeni N.P. Kondakova (Seminarium Kondakovianum) v Prage za pervyi god ego sushchestvovaniia (po 17 fevralja 1926 g.) (Report on the Activities of the Seminary named after N. P. Kondakov (Seminarium Kondakovianum) in Prague during the First Year of its Existence (until February 17, 1926))*. In *Sbornik statei, posviashhennykh pamiati N.P. Kondakova (Collection of Papers in Memory of N. P. Kondakov)*. Praga: Seminarium Kondakovianum, 297–298 (in Russian).
- In 1927. *Seminarium Kondakovianum*. I, 339–341 (in Russian).
- In 1928. *Seminarium Kondakovianum*. II, 377–379 (in Russian).
- In 1929. *Seminarium Kondakovianum*. III, 328–330 (in Russian).
- Peikovska, P. 2003. In Peikovska, P. (comp.). *Ungarski ucheni za Blgariia. XIX v. – srednata na XX vv. (Hungarian Scientists on Bulgaria. 19th - Mid-20th Centuries.)*. Sofia: “Otechestvo –Sofia” Publ., 7–24 (in Bulgarian).
- Rasovskii, D. A. 1933. In *Seminarium Kondakovianum*. VII, 1–65 (in Russian).
- Rasovskii, D. A. 1936. In *Seminarium Kondakovianum*. VIII, 161–182 (in Russian).
- Rosov, V. A. 1999. *Seminarium Kondakovianum. Khronika reorganizatsii v pis'makh. 1929–1932 (Seminarium Kondakovianum. Хроника реорганизации в письмах. 1929–1932.)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Fodor, I. 2017. In Kradin, N. N., Sitdikov, A. G. (eds.). *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoi arheologii evraziyskikh stepei "Mezhdru Vostokom i Zapadnom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii" (Proceedings of 3rd International Congress on Medieval Archaeology of Eurasian Steppes "Between the East and the West: Movements of Cultures, Technologies and Empires")*. Vladivostok: “Dal'nauka” Publ., 267–272 (in Russian).
- Bartucz L. 1930. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1930. Vol. 5. 66–73. (in German)
- Cambridge University Library: Manuscripts. MINNS. Add. 7722. Box 1. Folder F. N. Fettich.
- Fehér G. 1930. In *L'art byzantine chez les Slaves. Les Balkans. Premier recueil dédié à la mémoire de Théodore Uspenskij*. Paris: P. Geuthner, 3–8 (in French).
- Fettich, N. 1926. In *Sbornik statei, posviashhennykh pamiati N.P. Kondakova (Collection of Papers in Memory of N. P. Kondakov)* Praga: Seminarium Kondakovianum, 81–92 (in German).
- Fettich, N. 1928. In *Seminarium Kondakovianum*. IV, 296–298. (in German).
- Fettich, N. 1929. *Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn*. Prag: Seminarium Kondakovianum. (in German)
- Fettich, N. 1930. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. V. 52–65 (in German).
- Gyárfás I. A jász-kunok története. Kecskemét: Nyomatott Szilády Károlynál, 1870. I. kötet. 614. old.; 1873. II. kötet. 488. old.; Szolnok: Nyomatott Bakos Istvánnál, 1883. III. kötet. 796. old.; Budapest: Nyomatott Neuwald Illés könyvnyomdájában, 1885. IV. kötet. 438. old.
- Hampel, J. 1905. *Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn*. Braunschweig: Druck und Verlag von Friedrich und Son, Bd. I. 856 s.; Bd. II. 1006 s.; Bd. III. 580 s. (in German)
- Jankó, L. 1939. In *Archaeologiai Értesítő*. 52. 124–141 (in Hungarian)
- Jerney J. Jerney János keleti utazása a magyarok őshelyeinek kinyomozása végett 1844 és 1845. Pest: A Szerző Tulajdona, 1851. I. köt. 332. old.; II. köt. 320. old. (in Hungarian)
- Kansalliskirjasto. Käsikirjoituskokoelmat. Coll. 230. Tallgren A.M. Box 3.
- Kossányi, B. 1924. In *Századok*. 58/1–6, 519–537.

- MTA Könyvtár. Gy. Moravcsik.
Nagy, L. 1931. In *Archaeologiai Értesítő*. 45. 267–271 (in Hungarian).
OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–12. Alföldi A.
OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–13. Fettich N.
OD ÚDU AV ČR. AINPK. KI–14. Moravcsik G.
Radnóti, A. 1939. In *Archaeologiai Értesítő*. 52. 148–164.
Rhé, Gy., Fettich, N. 1931. *Jutas und Öskü: zwei gräberfelder aus der völkerwanderungszeit in Ungarn mit einem antropologischen anhang von L. Bartucz*. Prag: Seminarium Kondakovianum.
Roerich, G. 1931. In *Jornal of Urusvati Himalayan Research Institute*. Vol. I. № 1, 94–96 (in German).
Rásonyi, L. 1933. In *Seminarium Kondakovianum*. VI, 219–226 (in German)
Rásonyi, L. 1936. In *Seminarium Kondakovianum*. VIII, 293–299 (in German)
Rykov, P. S. 1928. In *Archaeologiai Értesítő*. 42. kötet. 225–228.
Szabó, J. B. 2016. In *Hadtörténelmi Közlemények*. 129. évf. 1. sz. 148–159. old.
Toll, N. P. 1929. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. IV. 183–188 (in German).
Toll, N. P., Rasovskii, D. A. 1931. In *Seminarium Kondakovianum*. IV, 296–298 (in Russian).
A történelem világa: Rhé, Gyula, und Fettich, Nándor: Jutás und Öskü // Literatura – Beszámoló a Szellemi Életről. 1931. VI. évf. 1. szám. 64. old.
Vámos, F. 1932. In *Seminarium Kondakovianum*. V, 145–146 (in German).
Zaharov, A. A., Arendt, V. V. 1935. *Studia Levedica: Regeszeti adatok a magyarság IX századi fortenehez*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

About the Author:

Kovalev Mikhail V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Leninsky Prospekt 32A, Moscow, 119334, Russian Federation; Archive of the Russian Academy of Sciences. Novocheremushinskaya, Str. 32A, Moscow, 117218, Russian Federation; kovalevmv@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.